

НЕТ, МЫ НЕ АНГЕЛЫ!

Ianpirot & Виталий Держапольский

Lanpirot

Нет, мы не ангелы...

«Автор»

2026

Lanpirot

Нет, мы не ангелы... / Lanpirot — «Автор», 2026

Душа отпетого мошенника, перерожденная после смерти в беса, угодила по ошибке в СССР образца 1938-го года в самый пик извечного противостояния Света и Тьмы.

© Lanpirot, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Виталий Держапольский, Lanpirot

Нет, мы не ангелы...

Пролог

Ведь мы не ангелы, парень.
Нет, мы не ангелы.
Там на пожаре
Утратили ранги мы,
Нету к таким ни любви, ни доверия.
Люди глядят на наличие перьев[1]

СССР
Москва
1938 г.

- Наше время, наконец-то, пришло! – воодушевленно произнес пожилой усатый кавказец, входя в Траурный зал Мавзолея.

Мужчина неторопливо подошел к прозрачному стеклянному саркофагу, подсвеченному мягким сиянием многочисленных софитов, мерно покачивая большим и увесистым молотком, зажатым в правом кулаке. Прикоснувшись к толстому холодному стеклу пальцами левой руки, которая в результате давней детской травмы была слабой, немного «усохшей» и до конца не разгибалась, мужчина неподвижно застыл на пару минут.

Он до рези в глазах вглядывался в знакомые черты лица соратника и вождя, которые не сумела изменить даже сама смерть. Покоившийся в саркофаге мертвец выглядел живее всех живых, даже живее, чем он его помнил при жизни. Поначалу весьма «цветущий» вид покойника слегка напрягал, даже пугал...

А кое-кто из товарищей и вовсе наотрез отказался посещать это жуткое место. Однако, в разрезе того, на какие жертвы им пришлось пойти ради торжества революции, мумификация Ильича была сущей мелочью. И только несколько человек из «старых революционеров», особо преданных Ленину и партии, знали о настоящем положении дел.

Изъеденное оспой лицо мужчины, известное миллионам людей по всему миру, озарилось хищной улыбкой, хотя взгляд его желтых тигриных глаз остался холодным, жестким и беспристрастным. Небрежно положив молоток на стеклянную крышку саркофага, он достал из нагрудного кармана военного френча курительную трубку, заранее набитую любимым табаком «Герцеговина Флор».

Раскурив её в уютной и торжественной тишине пустынной усыпальницы, которую заблаговременно освободили от посетителей, мужчина некоторое время довольно попыхивал огоньком, выпуская в воздух клубы ароматного сизого дыма. Когда в чаше заклокотали курительные смолы, он, не стеснясь, выколотил прогоревший табак о каблук мягкого кавказского сапога прямо на сверкающий чистотой мраморный пол и вновь вооружился принесенным молотком.

- С возвращением, Владимир Ильич! – гортанно произнес он, рассаживая одним мощным ударом прозрачную крышку саркофага.

[1] Трек Андрея Пономарева в исполнении группы iOSTRA <https://www.youtube.com/watch?v=5zk0pkPeBmM>

Глава 1

РФ
Москва
Наши дни

Готический зал особняка Стахеева, что вольготно расположился на Новой Басманной улице, был как никогда торжественен и загадочен. Еще бы, ведь этим вечером здесь проходил, ни много, ни мало, а финальный этап третьего сезона известнейшего шоу на Российском телевидении - «Экстрасенсы. Битва Сильнейших»!

В роли ведущего «блистал», как обычно вот уже который сезон, самодовольный и надутый, словно индюк, губастенький Карат Машаров. Этим вечером он был облачен в пижонский бархатный костюм черного цвета, такую же черную рубашку и черный же галстук-шарпей. Ненатурально улыбаясь и сверкая искусственными белоснежными зубами, Карат с неким тщательно скрываемым (но все равно ощущаемым на каком-то подсознательном уровне) пренебрежением к участникам телешоу и телезрителям, поднял над головой «Золотую Руку» – главный приз «Битвы» и торжественно провозгласил:

- Победителем третьего сезона «Экстрасенсы. Битва сильнейших» становится...

Финалисты заволновались, переглядываясь друг с другом.

- Становится... - Тянул, словно кот за яйца, МХАТовскую паузу Карат, не спеша называть победителя сезона. – Становится... Руслан Лазарев! – Наконец-то выдал Машаров. – Руслан, подойдите ко мне и возьмите свою заслуженную награду!

Из строя финалистов к ведущему шагнул крепкий мужчина, лет за пятьдесят, но еще не старик, с затянутыми в тугую конский хвост черными, как смоль, волосами с легкой проседью, и серьезным лицом, заросшим седоватой щетиной. На первый взгляд могло показаться, что недельная небритость говорит о небрежном, даже наплевательском отношении победителя к своему внешнему виду.

Однако, при более внимательном рассмотрении становилось ясно, что небрежность эта – только кажущаяся. И все в нем, начиная от длины и четко очерченной границы щетины и заканчивая идеально начищенными туфлями – плод кропотливой работы профессиональных дизайнеров и визажистов. Даже его прищуренные темные глаза блестели в свете софитов как-то по-особенному, внушая душевный трепет многочисленным фанатам-телезрителям главного мистического шоу страны.

- Поздравляю, Руслан! – Машаров, вручив «победный кубок», с чувством пожал победителю руку.

- А помните, Карат, - хорошо поставленным голосом, произнес Лазарев, - как в самом начале проекта, я сказал, что непременно буду его победителем?

- Как же, конечно помню, - растянув толстые губы в улыбке, произнес ведущий. – Как, впрочем, вы заявляли это и на сезоне предыдущей «Битвы Экстрасенсов».

- Как видите, я не ошибся, - с достоинством произнес мужчина, качнув «Золотой Рукой», которую оператор взял крупным планом. – Я никогда не ошибаюсь! Ведь я – сильнейший экстрасенс нашей великой страны!

- Вы это доказали в очередной раз, Руслан! – Машаров захлопал в ладоши, призывая остальных участников шоу к нему присоединиться. – И вся страна вам сейчас рукоплещет!

Финалисты, которым не досталось вожеленного приза, зааплодировали победителю с кислыми и постными лицами, скрывив губы в фальшивых улыбках. Все, кроме одного типа, который даже не пытался скрывать свой злобный оскал. Это был высоченный детина несклад-

ного аскетического телосложения с головы до ног расписанный многочисленными «магическими» татуировками, представляющими собой сложную смесь каббалистических знаков, фигур и символов.

Даже его отвратная харя была расписана какими-то «арабскими письменами» оккультного содержания. Он нервно зыркал исподлобья налитыми кровью глазами, словно прямо сейчас был готов сожрать живьем и победителя, и ведущего, да и до кучи всех остальных участников популярного телевизионного шоу. Причем, желательно живьем, отхватывая куски трепещущего кровавого мяса тупым ножом, чтобы причинить как можно больше боли и страданий. Настоящий отморозок-маньячелло!

Но именно такие асоциальные утырки и привлекали интерес к подобным телешоу своим чрезмерно эпатажным видом и повадками, которые стали бы достойным украшением выпускной научной работы какого-нибудь начинающего психиатра. Конечно, расписного ублюдка вполне можно было понять: ведь именно ему досталось «почетное» второе место - отморозок проиграл финальную гонку Лазареву, уступив какую-то незначительную малость.

Пока Карат нахваливал победителя, он лихорадочно перебирал амулеты, в изобилии усевающие впалую грудь. Этой левой суетой он нимало раздражал ведущего, постоянно отвлекающегося на его татуированные руки с непомерно длинными острыми ногтями, да еще покрытыми черным лаком.

Заметив недовольный взгляд Машарова, «черный маг» Минакс, как он сам себя величаво обзывал, засунул руки в карманы длинного кожаного плаща, полы которого едва не волочились по земле и замер, набычившись и пожирая взглядом вожака приз...

Картинка в телеящике дернулась и замерла, поставленная на паузу невидимым Руслану «киномехаником». Но что происходило потом, Лазарев, и без продолжения записанного телешоу, прекрасно помнил. А от вида отвратных рож его соперников, а особенно гребаного «черного мага», в очередной раз хотелось основательно проблеяться. Выдержать присутствие рядом этих моральных уродов на протяжении целого сезона съемок было невероятно тяжело. Но он справился, как обычно, хотя временами висел буквально на волоске, чтобы не придушить кого-нибудь из них за ближайшим углом.

Каждый из этих деланных мудил и сучек, изображающих из себя невероятных крутых экстрасенсов, магов, целителей, шаманов, колдунов, ведьм и еще незнамо какой хрени, непременно хотел бы оказаться на его месте. Но только помимо непроходимой тупости, полному отсутствию образования и культуры, эти расфуфыренные в полное говнище гамадрилы были еще и непередаваемо скупы. Просто за лишнюю копейку готовы удавиться, имея, между прочим, такие доходы, которые простым смертным не привиделись бы и в самом сказочном сне.

Да-да, все участники (и Лазарев в том числе) платили за подсказки в испытаниях. Продюсерам, менеджерам, ведущему, съемочной группе, даже костюмерам и визажистам. Ведь каждый из них мог что-то видеть или слышать. И даже малая толика информации, которой не обладали соперники, могла сыграть весьма немаловажную роль при подведении итогов. А Руслан платил не скупясь. Всем, кто хоть чуть-чуть оказывался в теме. От самого дна, и до самого верха «пищевой цепочки». И, как следствие, победа оказалась за ним.

У некоторых из вас могли возникнуть вполне резонные вопросы: а нахрена все это нужно? Зачем платить? Разве ты не самый-самый лучший, всемогущий и всезнающий маг-экстрасенс-провидец? Разве ты не можешь, так сказать, развести руками нити эфира, проникающие в информационное поле земли, и зачерпнуть оттуда нужные сведения?

Неужели ты не в силах призвать мертвую душу, и вытрясти из нее тайные знания, провести оккультный обряд и подчинить себе демона, беса или самого Сатану? Неужели ты не можешь лечить одним наложением рук? И этим же наложением рук на фото искать потерянные предметы и людей? Разве это не ты неоднократно и с легкостью проделывал подобные «чудеса» под прицелом телекамер в присутствии «неподкупных» наблюдателей? И не за твоими ли неве-

роятными экстрасенсорными способностями внимательно следили миллионы «искушенных» телезрителей?

Не знаю, открыл ли вам сейчас глаза победитель главного мистического шоу страны, но умные люди его бы непременно поняли - все дело в том, что никакой магии на свете не существовало! Как не существовало экстрасенсорных способностей и прочей подобной ерунды! Спросите любого ученого... да что там ученого, спросите любого здравомыслящего человека, и он вам однозначно ответит, что всё это полный бред, либо банальный развод лохов на деньги! Да-да, именно развод! Все известные нашему миру необыкновенные чудеса - обман, обычная подтасовка фактов и качественный продукт работы прошаренных сценаристов телеканала.

Кто, как не финалист самого крутого мистического шоу страны мог об этом знать лучше остальных? Всё в этом чертовом прогнившем мире из-за бабла, лавэ, филок, капусты, шевелюшек, хрустов – денег, одним словом! И никогда не существовавшая магия – лишь одно из средств добычи этого ценнейшего ресурса. Знаете, на какую подлость, шантаж и откровенное вымогательство способны известнейшие мракобесы, знакомые лица которых частенько мелькают в ящике? А Руслан знал... Ведь он и сам, отчасти, был такой же как они – наглый, беспринципный, жаждущий славы и денег, желательно больших, а еще лучше – огромных, как бы ни печально это было признавать.

Однако, кое-какие принципы у него все-таки были: он никогда не «окучивал» смертельно больных, обещая им несбыточную надежду на излечение, тем временем наживаясь на них самих и их бедных родственниках. Никогда не шантажировал смертью от несуществующих на самом деле проклятий, не пугал бедами, что могли свалиться на головы ничего не подозревающих людей, а особенно их детей.

А наживаться на детях он считал вообще неприемлемым и, как мог, пытался очистить «экстрасенсорное сообщество» от подобных тварей в человеческом обличье, для которых вообще не было ничего святого. Но, увы, подобных деятелей в сфере профессиональных мракобесов - девяносто девять целых и девяносто девять сотых процента. И благородные порывы Руслана рассыпались прахом – это он был белой вороной среди прожженных негодяев, таким юродивым, что пройдет мимо реальной наживы, боясь чрезмерно замараться.

Над Лазаревым откровенно потешались, но лишь за его спиной. Многим из коллег по ремеслу была известна его пугающая репутация в криминальных кругах, заработанная в суровые девяностые. Да, Руслан, отнюдь, не был ангелом с белоснежными крылышками за спиной, и в его прошлом было много крови и грязи.

Однако, по-другому он в те суровые годы попросту бы не выжил – так складывались обстоятельства. Все было просто: или ты, или тебя. Третьего не дано! Но основным принципам Лазарев не изменял в течении всей своей несправедливой жизни. Может быть, поэтому и выжил там, где остальные легли костями.

Его не подкосили веселые девяностые и стылые лагеря. Не нагнули двухтысячные, когда Лазарев решил окончательно завязать с криминалом и стал уважаемым владельцем сети игровых салонов и казино. Не сломал и закон о запрете в России азартных игр, кроме разрешенных пяти зон. Только места для него и его бизнеса в этих зонах не было. Ему недвусмысленно дали об этом понять влиятельные люди... Куда более влиятельные и недостижимые, с которыми он мог позволить себе разобраться «по совести», либо по понятиям. Пришлось вновь искать, куда бы приложить усилия.

И судьба подкинула Руслану странный гамбит: на московских улицах он встретил давнего знакомого по воркутинской колонии. Сидели вместе. Не сказать, чтобы корешились, но и откровенной неприязни меж ними не было. Вот он-то и поведал Лазареву о своем «мракобесном бизнесе», на котором зашибал неплохую денюгу. Даже в сравнении с игорным бизнесом очень и очень неплохую.

- Ты всегда был головастым, Русик! – сказал он тогда. – У тебя эта тема пойдет мажее, чем у этих дебилов! Хочешь, я буду твоим «импрессарио»? Скажи «да», и я проведу тебя в настоящий мир магии, колдовства и очешуенных бабок! Причем, твои вложения будут минимальными!

«А почему нет?» - подумал тогда Лазарев, и согласился.

А уже через год созданная совместными усилиями «Международная академия сверхъестественного» вышла на оборот полтора ляма в месяц. Баксами! Правда, для начала пришлось нехило вложиться, несмотря на заверения корефули «о минимальных вложениях». Благо, средства после закрытия казино у Руслана имелись. И именно таким способом он стал победителем хренпойми какого сезона «Битвы экстрасенсов». Его стали узнавать даже на улицах, а в магический салон страждущие настоящих чудес потекли поистине полноводной рекой.

Бабло, вложенное, по сути, в рекламу на одном из мощнейших федеральных каналов, принесло свои дивиденды. И теперь Руслан, не особо напрягаясь, брал за свой прием порядка полста кусков в час. А после победы на «Битве сильнейших» мог задрать ценник и под сотню косяков! Но собственные принципы он не нарушил бы даже сейчас...

Лазарев в очередной раз дернулся, пытаясь освободить руки, примотанные прозрачным канцелярским скотчем к подлокотникам кресла, но у него вновь ничего не вышло. Тот, кто обездвигил его, сделал это на совесть. Не только руки Руслана были заблокированы и лишены подвижности, но и ноги, тело и даже голова были перемотаны несколькими слоями липкой ленты, не давая ему пошевелиться.

Руслан прекрасно помнил, как после «корпоратива», посвященного окончанию съемок, покинул телестудию, доехал до дома на такси, поскольку позволил себе «лишнего», и вошел в подъезд. Дальше воспоминания обрывались. Очнулся он уже здесь, намертво примотанный к креслу. В поле его зрения находился лишь телевизор, да еще кусочек старой кирпичной кладки. Ничего остального разглядеть не удавалось, даже скосив глаза, ведь его голова была неподвижно зафиксирована.

Едва Лазарев открыл глаза, экран телевизора замерцал, демонстрируя пленнику запись финала «Битвы сильнейших», на котором он взял главный приз. Через некоторое время невидимый похититель (Руслан отчетливо слышал его хриплое и учащенное дыхание за своей спиной) нажал на паузу, остановив запись на искаженном ненавистью лице отмороженного на всю голову Минакса. Как на самом деле зовут этого утырка Лазарев не знал, но ему было на это плевать.

После паузы в помещение воцарилась гнетущая тишина, разбавляемая лишь прерывистым дыханием неведомого похитителя.

- Слышь, говнюк, - произнес Руслан, пытаясь унять пульсирующую боль в голове, видимо, его неслабо приложили в подъезде, - долго еще яйца будешь мять? Обещаю: если сейчас же меня отвяжешь от этого гребаного стула, я постараюсь забыть это недоразумение, - Лазарев старался говорить уверенно и спокойно, не стоило давать похитителю чувствовать себя безнаказанным вершителем судеб. Инициативу стоило брать в свои руки, даже вот в таком беспомощном виде. – Чего молчишь? Язык в жопу засунул, бажбан[1]? Давай, отвязывай меня, и разойдемся краями, словно ничего и не было! Я сегодня добрый!

Похититель буквально взвыл за спиной Лазарева. Руслан почувствовал, как грубые руки схватили его за волосы, а в горло уперлось что-то острое и холодное.

- Ты сдохнешь! - обдав горячим дыханием, прямо в ухо проскрипел неприятный мерзкий голос. – Не стоило тебе забирать у меня этот приз!

- Кто бы сомневался? – Не дрогнув ни единым мускулом, усмехнулся Руслан, узнав знакомые интонации. – Минакс! Только у такого дебила хватило бы мозгов... вернее, полного их отсутствия, чтобы сотворить такую лютую хрень! Развязывай, пока я сам тебя не закопал!

- А мне нравится твоя потрясающая наглость, Лазарев, - продолжал нашептывать в ухо пленнику Минакс. – И твоя неумная энергия! *Он* непременно обрадуется такой жертве, и я, наконец-то, возвышусь!

Руслан почувствовал, как рука психа, держащая нож у его горла, дрогнула, и острое лезвие глубоко прорезало кожу. По шее потекли горячие струйки крови. Дело постепенно принимало совсем дурной оборот – Минакс оказался абсолютно невменяемым шизофреником, полностью оторвавшимся от реального мира. Его не по телевизору показывать надо было, а содержать за решеткой на «Канатчиковой даче»[2] под ударной дозой галоперидола[3]. Похоже, что ни запугать, ни договориться с ним не получится. И что делать дальше, Лазарев пока не представлял.

[1] Бажбан – глупый, дурак (уголовный жаргон).

[2]«Канатчикова дача» — народное название Психиатрической клинической больницы № 1 им. Н. А. Алексеева за расположение в местности Канатчиково (Канатчикова дача).

[3] Галоперидол — антипсихотик, производное бутирофенона. Применяют при шизофрении, маниакальных состояниях, бредовых расстройствах, при олигофренических, инволюционных, эпилептиформных, алкогольных психозах и других заболеваниях, сопровождающихся галлюцинациями, психомоторным возбуждением. Под влиянием галоперидола быстро наступает моторное успокоение и исчезают галлюцинации.

Глава 2

Руслан скосил глаза, взглянув на дрожащую руку с длинными черными ногтями, держащую нож у самого его горла.

- Давай уже, вскрой мне глотку, раз такой смелый! – хрипло произнес он, решив и дальше держаться прежней линии поведения. – Чего тянешь, утырок?

- Э, нет! – Минакс неожиданно убрал нож от шеи Лазарева. – Я тебя убью, но не сейчас.

- С чего это вдруг? – Руслан незаметно выдохнул, отсрочив момент собственной гибели. Он прекрасно знал по собственному опыту, как это непросто – убить человека. Особенно вот так – глаза в глаза. – Зассал, что ли, шизоид?

- Ты не радуйся раньше времени, - произнес отморозок, выйдя из-за спины и остановившись перед Русланом, - просто мне не хватает одной важной детали для настоящего жертвоприношения.

- И какой же? – Презрительно сощутив глаза, усмехнулся Лазарев.

- Мне должны принести подлинный гримуар[1] мага Абрамелина! – с гордостью произнес отморозок. – Он обещал мне эту реликвию в качестве поощрения за победу... - Псих понес какую-то откровенную чушь. - Но я дам *Ему* куда больше...

- Чего? – Руслан даже поперхнулся от услышанного. – Я не ослышался? Подлинный гримуар мага Абрамелина?

- Да, именно так! Подлинный! – С придыханием подтвердил Минакс. – Я знаю о твоей страсти, Лазарев - и ты даже сможешь увидеть этот древний фолиант. Правда, это будут последние минуты твоей никчемной жизни!

А ведь этот ушлепок был прав: где-то через год, после того, как Руслан заделался великим магом и экстрасенсом в пятом поколении, у него появилось хобби, довольно странное на первый взгляд. Он, во что бы то ни стало, хотел найти хоть одно проявление магии или колдовства в насквозь обыденном мире. Но никаких чудес, если исключить хитрымудреные фокусы и откровенное мошенничество, ему обнаружить так и не удалось.

Впоследствии это хобби вылилось в коллекционирование всевозможных пособий по магии и волшебству – так называемых гримуаров. Сначала Руслан собирал все подряд, до чего смог дотянуться, включая современные книги и переводы древних трактатов по волшебству. Но со временем его интерес сконцентрировался на древних раритетных вариантах, в основном являющихся рукописными копиями десяти основных трактатов: «Завещание Соломона», «Ключ Соломона», «Малый ключ Соломона», «Гримуар Гонория», «Истинный Гримуар», «Магия Арбателю», «Гептамерон», «Книга святой магии Абрамелина», «Руководство папы Льва III» и «Гримуар Армадель».

Существовало еще много всякого барахла, но, как правило, их начинка составляла дикую смесь все тех же десяти основных Гримуаров. Лазарев их скупал по случаю, если они ему попадались, но никакой особой ценности эти книги не представляли. На определенном этапе коллекционирования он увлекся древними языками, чтобы читать приобретенные тексты на языке оригинала, и нимало в этом преуспел.

Заполучив очередной раритет, он пробовал, по возможности, повторить описанные в них заклинания, воплотить в жизнь приведенные алхимические формулы... В общем, хотел подтвердить их работоспособность. Но магия, подробно описанная в древних фолиантах, не работала. Оно и понятно, ведь её попросту не существовало! Нарушить законы физики, являющиеся основой насквозь физического мира, еще никому не удалось.

Заявленный Минаксом «Подлинный гримуар мага Абрамелина», скорее всего окажется одной из копий «Книги святой магии Абрамелина» - хранящейся в Париже рукописи 18-го

века, автором которой считается маг Абрамелин. Первый английский перевод этого гримуара появился в 1898-ом году, и с тех пор по ней учатся практически все «волшебники» нового времени.

Знатоки считали, что автором этой книги является некий немецкий еврей родом из Вормса, живший в 14-15-ом веках. Из данных, приведённых в гримуаре, и того, что известно из истории, можно было предположить, что за псевдонимом Абрамелина скрывался учёный раввин Авраам Иаков бен Моисей ха Леви Моэллин, однако доказанного подтверждения этой гипотезе до сих пор найдено не было.

Можно сказать, что с магической точки зрения эта книга сама по себе представляла целый культ: действительно, в ней содержалось описание полной системы подготовки магов, требующей длительных и непростых упражнений, но обещающей в случае успеха, благодаря помощи сверхъестественных сил, получение настоящей и ничем не ограниченной магической власти.

Так же Абрамелин утверждал, что научиться волшебству по его книге может любой страждущий оккультных знаний, если только ему не случалось менять единожды обрётённую веру. У Руслана имелся один из переводов этой книги, изданной в 19-ом веке главой Герметического Ордена «Золотой Зари» Макгрегором Мазерсом.

Именно с помощью этой книги он и оборудовал свою алхимическую лабораторию и культовое место, где и принимал впоследствии посетителей. Кроме забойного оккультного антуража никакой практической пользы (в плане настоящей магии) от этой лаборатории не было. Но самого Лазарева, уже давно втянувшегося в этот процесс, весьма занимала проверка многочисленных магических ритуалов, которые он смог дотошно повторить. Однако, ни один ритуал до сих пор не сработал, так, как это описывалось в том или ином пособии по волшебству.

Но Руслана интересовала не только практическая сторона применения магических трактатов, но и коллекционная стоимость подобных древних фолиантов. На сегодняшний день у него скопилось довольно солидное собрание сочинений средневековых мракобесов. Наверное, самое большое в России. Коллекционирование подобных древностей стало настоящей страстью Руслана.

Противно скрипнула входная дверь, находящаяся где-то за пределами доступного Лазареву сектора обзора, и в подвал буквально просочился сторбленный худой старикашка, лет, наверное, восьмидесяти, если не больше. Его маленькое морщинистое лицо, когда он появился в поле зрения Руслана, пребывало в постоянном движении, словно старичка не отпускал весьма болезненный нервный тик. Незнакомый дед был облачен в весьма поношенный коричневый костюм двойку, выпущенный еще, наверное, во времена Союза и сально блестящий на коленях и заднице.

Старичок беспрестанно приглаживал одной рукой жиденькие и слипшиеся от пота волосики, сквозь которые просвечивалась блестящая розовая лысина. Во второй же руке он держал огромный чемодан. Этакого чемоданного монстра, обтянутого потрескавшейся и потертой кожей, местами лопнувшей. Сквозь прорехи обивки проглядывало потемневшее дерево каркаса.

Чемодан был явно тяжел и великоват для тщедушного старикана, но дед предпочитал тащить его самостоятельно, не доверяя никому свою побитую неумолимы временем «святыню». Прошаркав по бетонному полу разношенными сандалетами из-под которых торчали носки ядовито-желтого цвета, старикан продефилировал передо Русланом и даже глазом не повел в сторону его обмотанной скотчем тушки. Словно так и должно быть.

- Мир вашему дому! – надсадно кашлянув, произнес он, каким-то образом умудрившись взгромоздить свой огромный ящик на стол рядом с телевизором. – Итак, подлинный гримуар Абрамелина! – произнес странный дедок, расстегивая покрытые зеленой патиной застёжки. - В отличии от бестолковых подделок, заклинания из подлинной книги всегда работают! –

Он откинул в сторону потрепанную крышку чемодана, всё внутренне пространство которого занимала одна лишь книга. Вернее, не так – Книга!

Лазарев, забыв обо всем на свете, во все глаза разглядывал огромный фолиант, мирно покоящийся в допотопном чемодане безумного старика. Черт побери! Такого изумительного экземпляра ему еще не попадалось! Даже на первый взгляд было видно, что гигантская пухлая книга, едва-едва уместившаяся в чрево деревянного ящика, была стара. Что-то, а подделки от настоящих раритетов за добрый десяток лет Лазарев различать научился.

Конечно, еще бы провести экспертизу, но то, что на столе находилась настоящая ценность, было видно и не вооруженным глазом. Лазарев не знал, как обстоят дела с «волшебными и чудотворными» свойств этого фолианта, но он дорого бы дал, чтобы занять этот экземпляр в свою коллекцию, только из-за его редкости. Какого же он, интересно, века?

- Неужели подлинник? – не удержавшись, спросил Лазарев старика, забыв даже о том, в каком положении сейчас находится.

- Да! – Прокаркал старичок и мерзко ухмыльнулся, показав мелкие желтые зубы. - Первая копия «Книги священной магии Абрамелина»! Именно она была переписана в пустыне Египта Авраамом из Вормса под диктовку египетского мага Абра-Мелина в 1362-ом году!

- А я полагаю, что этот гримуар датирован не ранее 1458-ого года, - с видом знатока возразил Руслан. – Но реальных копий, хотя бы 18-го века раз-два и обчелся. Основная масса этих «поделок» – рубеж девятнадцатого и двадцатого веков, когда и вспыхнул в Европе основной оккультно-мистический интерес...

- Эти, так называемые гримуары, - презрительно поморщился старикан, стянув в жемок узкие бескровные губы, - не стоят и материалов, которые пошли на их изготовление! Потому как даже подтереться ими проблематично – слишком жесткая бумага! Скажите спасибо Ленке Блаватской[2], да Алёшке Кроули[3]! – с негодованием произнес он, сжав сухие кулачки. – Именно они уронили престиж настоящих магов и превратили серьезные оккультные ритуалы в сплошной балаган! – Старичок так смачно поносил имена известных мировых мистиков, как будто действительно был с ними некогда знаком накоротке. – Надо было придушить их потихому еще в колыбели! Единственный, кого я, пусть и с большой натяжкой, но не постеснялся бы назвать магом – Николя Фламеля[4]... - С "«парижским прононсом" добавил он.

- Уважаемый! Уважаемый! – Руслан остановил полезшего в исторические дебри старичка, хотя его рассуждения были небезынтересны. – Не знаю, как вас звать-величать, но вернемся к нашим баранам – к гримуару...

- А я о чем, молодой человек? – Неожиданно окрысился старикашка. – Только об этой поистине бесценной реликвии и речь! А величать меня можете Агасфером[5] Моисеевичем...

- Прямо, Вечный жид! – Не удержался Лазарев, чтобы не вспомнить библейского персонажа.

- Так и есть, молодой человек! – Угрюмо кивнул старикашка. – Мой папаша, чтобы ему икалось на том свете, очень хотел, чтобы я жил долго. Очень долго. А кто еще-таки живет дольше Вечного жида, скажите вы мне?

- Ну, там, вообще-то, другая проблема...

- На морально-этическую сторону вопроса моему папаше было откровенно плевать! – нервно рассмеялся старик. – Он хотел, чтобы я жил – вот вынь, да положи! И я-таки пока живу...

Несмотря на тот факт, что говорил старикан уверенно, у Руслана отчего-то возникло стойкое убеждение, что он врет. Вот только для чего он это делает, было непонятно.

- Что же до Николя, с которым мы так и не закончили, - продолжил Агасфер, - он был первым после самого Авраама, кто сумел разобраться, причем самостоятельно, с серьезным трактатом по магии и заставить работать его ритуалы и заклинания!

- А остальные, значит...

- Жулики и пройдохи, типа тебя и вон, его, - ядовито произнес Агасфер, указав на моего «тюремщика». – Настоящих магов в нашей истории можно по пальцам левой ноги перечесать. И Николай – один из них.

Руслан не стал возмущаться и спорить с этим полубезумным стариканом насчет такой жесткой оценки его профпригодности. Ведь на самом деле так оно и было – он совсем не белый и пушистый, он – настоящий проходимец и мошенник, как не постеснялся заявить во всеуслышание Агасфер Моисеевич. Да и чего возмущаться? Ни свидетелей, ни гребаных папарацци поблизости не имелось.

- Настолько он был хорош, как о нем говорят многочисленные слухи? – Руслан попытался перевести беседу в «конструктивное русло».

- О! В случае с Фламельом слухи намного преуменьшены – он умел куда больше, чем демонстрировал своим друзьям...

- И как же ему удалось достичь подобных высот? – спросил Лазарев «с подковыркой».

- А стал он таким, благодаря одной из копий этой книги, которую заполучил совершенно случайно! В 1361-ом году Фламель стал владельцем небольшой книжной лавки, и еще через некоторое время приобрел для неё за совсем небольшую цену в два флорина папирус, известный как «Священная книга еврея Авраама». В течение 20-ти лет он пытался разгадать «тайный смысл» сей книги, часть которой была написана на арамейском языке, а часть на египетском. И, разгадав древние загадки, он стал одним из сильнейших магов на земле!

- Сто миллионов! – резко произнес Руслан, когда Агасфер замолчал, чтобы перевести дух. – Рублей!

- В смысле, сто миллионов? – не понял Агасфер, для которого предложение Руслана оказалось полной неожиданностью.

- Сто миллионов за гримуар! – продолжал напирать Лазарев. – Наликом! Или на счет – как угодно... Освободите меня – и тут же получите деньги!

- Да ты охренел, Лазарев? – возмутился Минакс, не проронивший ни слова за всю беседу с Агасфером. – Ты покойник!

- Не говори «гоп», родной! – рассмеялся Руслан. – Так что скажете, Агасфер Моисеевич? Вам не нужны деньги? Давайте, я дам двести?

- Двести? – заинтересованно протянул Агасфер Моисеевич. – Какой же настоящего жид откажется от больших денег? – философски произнес он. – Но я не могу - связан по рукам и ногам договором...

- Триста! – Продолжал повышать ставки Лазарев, наблюдая колебания старичка.

- Да вы не в себе, голубчик! Оставьте это бесполезное занятие - торг здесь неуместен!

Краем глаза Руслан заметил, как облегченно выдохнул Минакс. Отчего-то наезжать на старичка отморозок не решался. Кто же ты такой, Агасфер Моисеевич?

- Пятьсот! – Лазарев продолжал гнуть свою линию, еще на что-то надеясь. Хотя, надеяться было уже не на что.

- Деньги мне не нужны! – сложив руки на груди, заявил Агасфер Моисеевич. – Последствия нарушения контракта окажутся для меня слишком деструктивными.

Вот же несносный старик! К тому же, если сказать по правде, стоимость, предложенная старикану, была относительно невысока. Ведь самой дорогой книгой, когда-либо проданной с аукциона, считается первое издание Конституции США, купленное инвестором Кеном Грифффином в ноябре 2021-го года. Он заплатил за документ \$43,2 млн. Соперничать с ней могла бы лишь покупка, которую совершил в 1994-ом году Билл Гейтс. Основатель компании Microsoft тогда приобрел так называемый «Кодекс Лестера» - рукопись Леонардо да Винчи. За этот документ предприниматель заплатил \$30,8 млн., что в нынешних реалиях составило бы \$ 62,4 млн.

Так что ценник в пять лямов баксов для такого раритета – совсем не деньги. Однако, не каждый может позволить себе иметь на счету свободные средства в подобном размере и

быстро их собрать. Вот и сейчас Лазарев мучительно размышлял, сколько всего он сможет предложить. Ведь дело, прежде всего, касалось его собственной жизни! Если срочно сбросить все «активы», недвижимость и еще взять кредит...

- Тридцать миллионов! – Заявил напоследок Лазарев, однако, уже ни на что не надеясь.
- Долларов!

- Я сказал нет – значит нет! – Старик отвернулся, потеряв к Руслану всякий интерес. – Где обещанный «кубок»? – резко спросил он у Минакса.

- Понимаете, Агасфер Моисеевич, - неожиданно залез безил перед стариком отморозок, - мне не удалось стать победителем...

- Тогда наша сделка расторгнута! – холодно произнес Агасфер, резко закрывая крышку чемодана. – А ты пожалеешь...

- Но вы не дослушали! – дрожащим голосом воскликнул Минакс. – Я готов искупить... Готов принести жертву! Настоящую кровавую жертву!

- Его? – Кривой указательный палец Агасфера Моисеевича указал в сторону Лазарева.

- Его... - Покрывшись холодным потом, подтвердил психопат.

[1]Гримуа́р, или гримория, также известен как «книга заклинаний», «волшебная книга» — книга, учебник магии, обычно включающий инструкции по созданию магических предметов, таких как талисманы и амулеты, выполнению магических заклинаний, наведению чар, проведению гаданий, а также вызову сверхъестественных существ (ангелов, духов, божеств и демонов). Во многих случаях считается, что сами гримуары наделены магической силой, хотя во многих культурах сверхъестественные свойства приписывались текстам, не являвшимся гримуарами (например, Библии). В свою очередь, не все магические книги следует считать гримуарами.

[2]Елена Петровна Блаватская (урождённая фон Ган, 1831-1891 гг) — русский религиозный философ теософского направления, литератор, публицист, оккультист и спиритуалист, путешественница.

[3]Алистер Кроули (1875 — 1947) - английский оккультист, поэт, художник, писатель и альпинист, был известен как чёрный маг, один из «видных идеологов оккультизма» XX века. Основатель религиозного течения телемы, считавший себя пророком.

[4]Николя (Нико́лас) Фламе́ль (1330-1418) — французский книготорговец и меценат, которому приписываются занятия алхимией, а также исследования возможности получения философского камня и эликсира жизни.

[5]Агасфе́р, или Вечный жид — легендарный персонаж, по преданию обречённый скитаться из века в век по земле до Второго пришествия Христа. Фигура «Вечного жида» появляется в сюжетах европейской литературы и живописи.

Глава 3

СССР
Москва
1938 г.

Возле распростертого на грязном заплыванном паркете истерзанного тела стояли двое.

- Забавно, - простуженным голосом произнес один из них - худой нескладный старик, поправляя желтовато-мутный мениск монокля, поблескивающий в его правом глазу. - Весьма и весьма забавно, - вновь повторил он, теребя длинными узловатыми пальцами седую бородку-эспаньолку. - Даже не знаю, что вам сказать по этому поводу, драгоценный вы мой...

На вытянутом костистом лице старика, обтянутом пергаментно-желтой кожей с проступающими то тут, то там «печеночными» пигментными пятнами, лежала «печать» крайней степени изумления. Таким озадаченным престарелого профессора медицины уже давно никто не видел.

- Лазарь Евстафьевич, неужели совсем никаких предположений?

Собеседник профессора – тучный коренастый мужчина лет пятидесяти, тяжело отдуваясь, сдвинул на затылок форменную фуражку с бирюзовым околышем и промокнул скомканным носовым платком абсолютно лысую и круглую, словно бильярдный шар голову, покрытую крупными бисеринками пота.

- Представьте себе, Дорофей Петрович, ни-ка-ких! – Виновато развел руками старик.

- Я не могу в это поверить, Лазарь Евстафьевич! – нервно воскликнул милиционер. - Ведь вы же светило мирового уровня! – Представитель советской власти оттянул жесткий воротничок кителя с тремя металлическими синими «шпалами» на бирюзовых петлицах и потер широкой ладонью побагровевшую шею. – Если не вы, то кто же?

- Я тоже, знаете ли, нахожусь в полном смятении чувств, товарищ лейтенант... - Пожал костлявыми плечами светило медицины.

- Вообще-то капитан милиции, что равно армейскому подполковнику[1], - без «задней мысли» поправил профессора Дорофей Петрович, но старик отчего-то обиделся.

- Мне без разницы! – Вспылил он, нервно дернув щекой. Монокль выпал из его глаза, и закачался на тонкой золотой цепочке, пристегнутой к лацкану старомодного пиджака. – Я не разбираюсь в ваших этих... чинах. – Тонкие бескровные губы профессора презрительно скривились. - Так же, как и вы ни черта не смыслите в ученых степенях и званиях...

- Лазарь Евстафьевич, дорогой мой человек! Извините великодушно - ни в коей мере не хотел вам досадить! – Виновато расшаркался Дорофей Петрович.

Старик порывисто схватил качающийся монокль и вернул его на прежнее место. Взглянув на простоватую рабоче-крестьянскую физиономию капитана сквозь выпуклую стеклянную линзу монокля, профессор решил сменить гнев на милость.

- Вижу-вижу, что раскаиваетесь, - беззлобно проворчал старик. – Только впредь себе этого не позволяйте, молодой человек!

- Как скажете, Лазарь Евстафьевич, как скажете, - поспешно произнес милиционер. - Так что делать-то будем, профессор? – вернулся к волнующей его теме Дорофей Петрович. - Ведь покойник, не просто человек – правая рука самого наркома...

- Я узнал его, - степенно кивнул профессор, - мы встречались несколько раз. Вот только с утверждением, что это человек, я категорически не согласен! – сказал он, как отрубил. - Это существо лишь внешне похоже на человека, но на самом деле таковым не является.

- Что вы сказали, профессор? Не человек? – переспросил капитан, подумав, что ослышался.

- Совершенно верно – не человек, - подтвердил старик, взглянув на милиционера своими мудрыми, выцветшими от старости глазами.

- Вы шутите? – Не поверил капитан, решив переспросить.

- Отнюдь, драгоценный вы мой, отнюдь! – И не подумав отказаться от первоначального заявления, ответил старик.

- А кто же он? – оторопел Дорофей Петрович, пытаясь «переварить» заявление профессора.

- Не-зна-ю! – по слогам выдохнул Лазарь Евстафьевич. - Увы, мне и ах... - В очередной раз развел руками пожилой медик. – С чем я только не сталкивался за свою, довольно-таки насыщенную, практику... Но с таким явлением – первый раз. С чем вас и поздравляю!

- А с чего... с чего это вы взяли, что он того... ну, не человек? – не сдавался Дорофей Петрович, продолжая засыпать престарелого профессора «каверзными» вопросами.

- Так это же видно невооруженным взглядом, батенька! – Старик, кряхтя, нагнулся и сдернул с трупа простыню не первой свежести, пропитавшуюся ядовито-зеленовато-желтой маслянистой жидкостью. – Начнем с того, мон шер, у какого же человека вы видели кровь такого отвратительного гнойного цвета?

- И воняет она отвратно, - вставил капитан. – Неужели, и вправду гной?

- Молодой человек, я вас умоляю, не несите чепуху! – проникновенно попросил профессор. – Это не гнойный экссудат! Это не продукты распада тканей, а именно кровь, то есть – внутренняя среда организма.

- А почему она такая... такая... - Капитан никак не мог подобрать подходящее сравнение. В его насквозь пролетарских мозга, совершенно не избалованных образованием, не могли удержаться настолько красочные эпитеты.

- Ну, по всей видимости, оттого, что наш с вами клиент – не человек, - не дослушав, вынес вердикт Лазарь Евстафьевич.

- Да не-е-е! – Потряс лысой головой капитан. - Не может этого быть – я его не первый год знаю! Обычный... Как все... Ничего особенного, ну разве что в наркомате большим человеком был. Может яд, какой ему в пищу подсыпали? Возможно, что происки агентов мирового империализма?

- Не знаю как вы, мой друг, а я таких ядов не видывал. - Старик достал из нагрудного кармана пиджака аккуратно сложенный белоснежный платочек и вынул из глаза монокль. Подышав на линзу, профессор аккуратно протер её и вернул увеличительное стеклышко на место. – К тому же, если он и был когда-то обычным человеком, изменения коснулись не только крови, но и всех внутренних органов...

- А может он того – морфинист, какой? – Выдал очередную версию Дорофей Петрович. – Я слышал, что от этого тоже внутренние органы изменяются...

- От водки, положим, тоже печень увеличивается, - сварливо отозвался старик. – Только печень, так и остается печенью! А что у нашего приятеля творится внутри, даже мне, вот так сразу, и не разобрать: где тут печень, сердце, или желудок?

Профессор подвинул стул, на котором стоял его потертый кожаный саквояж, поближе к бездыханному телу. Щелкнув вычурным металлическим замком, Лазарь Евстафьевич распаковал сумку и достал из нее пару хирургических перчаток. Ловко нацепив их на руки, профессор вернулся к трупу.

- Лучше бы, конечно, посмотретьна прозекторском столе, но бегло взглянуть можно и так... Вы, Дорофей Петрович, как только закончите осмотр и съемку, не забудьте распорядиться, чтобы это тело без промедления отправили ко мне в лабораторию, - попросил медик, «со скрипом» присаживаясь на корточки. – Стар я для таких фокусов! – пробормотал он, опи-

раясь руками на вскрытую грудную клетку. Ребра слегка раздались в стороны, встопорщившись рассеченными синеватыми хрящами с изумрудными прожилками.

- Что скажете, профессор? – Стараясь не мешать осмотру, Дорофей Петрович нетерпеливо топтался неподалеку.

- Со света отойдите, милейший! – Сварливо попросил старик, едва не уткнувшись носом в жуткую рану. – И как в таких условиях можно работать? – проворчал он.

Капитан поспешно сместился:

- Так хорошо?

- Да, спасибо... Итак, - удовлетворенный беглым осмотром профессор поднялся на ноги, - что можно сказать: разрез большой, неаккуратный, проходит от яремной впадины до самого паха... Операция, по всей видимости, была проведена инструментом, похожим на большие ножницы...

- Его вскрыли хирургическими ножницами? – уточнил капитан.

- Нет, - покачал головой профессор. – Это что-то типа ножниц для листового металла. Их вогнали в живот нашему клиенту чуть выше лобковой кости – это прослеживается по повреждениям кожи в месте нанесения удара... Причем, он был еще жив! А потом – чик-чик-чик, - старик изобразил пальцами ножницы, - распластали до самой глотки, особо не озабочиваясь сохранностью внутренних органов. Если посмотрите – легко обнаружите борозду от ножа. Вот еще, взгляните – весьма занимательно. – Профессор слегка приспустил расстегнутые брюки трупа, обнажив детородный орган замнаркома.

Дорофей Петрович заинтересованно наклонился, нависнув над телом.

- Ох, нихрена себе! – не сдержался милиционер при виде вывалившегося огромного фиолетового пениса. Бугрящийся отвратительными наростами фаллос был, помимо всего прочего, снабжен двойным рядом сиреневых присосок, сочащихся прозрачной слизью. – Жуть какая!

- Да, - профессор стянул с рук резиновые перчатки, вывернув их наизнанку, - и еще: тот, кто проделал эту операцию, вынул из внутренностей какой-то орган. Причем довольно неаккуратно...

- Какой орган? – с трудом оторвавшись от созерцания «щупальца осьминога», сдавленно просипел капитан.

- Кабы знать, милейший Дорофей Петрович, кабы знать? – Лазарь Евстафьевич пожал узкими плечами и забросил перчатки в саквояж. – Я попытаюсь установить это в лаборатории, но, естественно, ничего не могу обещать. Случай весьма и весьма неординарный!

- Что же мне начальству-то доложить? – задумался капитан, с хрустом почесав заросший короткой щетиной подбородок. – Голова совсем не варит – почитай, третьи сутки на ногах! Не могу же я вот так взять и доложить: что, мол, заместитель наркома товарищ С., в общем даже и не товарищ совсем... Он вообще, кажись, незнамо кто – не человек даже! А, Лазарь Евстафьевич?

- А от меня-то вы что хотите, мон шер? – Вновь уставился на милиционера своими печальными глазами профессор медицины.

- Ну, мне бы справочку, какую, а? Бумагу с вашей подписью и печатью, - елейным голоском произнес капитан. – Вам-то поверят, вы-то ведь медицинское светило! А мне за такой доклад могут путевочку в Сибирь организовать... Это еще в лучшем случае. А то и к стеночке, как вредителя...

- Будет вам справочка, - заверил милиционера профессор, - только после всестороннего обследования тела. Поэтому – поспешите доставить его ко мне в лабораторию.

- Всенепременнейше, Лазарь Евстафьевич! – Обрадованно перевел дух Дорофей Петрович. - С максимально возможной скоростью! Прослежу лично!

- Вот и договорились! – Профессор в предвкушении потер сухонькие ладошки. – Коллеги ахнут...

Облупленная входная дверь резко распахнулась, гулко стукнув о давно небеленую стену. Сквозь дверной проем в комнату буквально влетел, заброшенный крепкой рукой сержанта Маменко, маленький плюгавый человечек с морщинистой физиономией кирпичного цвета, заросший неопрятной пегой бородашкой.

- Ну, чё, чё пихаисси-то? – недовольно заявил мужичонка, распространяя неприятный похмельный аромат, щедро сдобренный стойким чесночным амбре.

- Это еще кто? – раздраженно спросил Дорофей Петрович, буравя грозным взглядом похмельного мужика.

- Подозреваемый, товарищ капитан! – доложил сержант. – Местный дворник.

- Какой, к чертям, подозреваемый? А, Маменко?

- Вот! Рядом с дворницкой валялись. – Сержант протянул начальнику садовые ножницы с длинными ручками, измазанные в желтой субстанции.

- А вот и орудие убийства! – довольно воскликнул профессор, выхватывая секатор из рук сержанта. – Это оно – у меня нет ни капли сомнений!

- Ка-какое орудие убийства? Вы о чем? – Уже не на шутку переполошился дворник.

- Твой секатор? – жестко спросил капитан, едва не тыча ему в лицо «вещдоком».

- Мой, - не стал запыряться дворник. – Только он того - пропал у меня... Э-э-э... - задумался мужичок. - Аккурат в четверг. Да, точно, в четверг на той неделе. Какая-то гнида, мой сарайчик распотрошила! Я и в милицию, и домоуправу сообщил. В тот же день! А чё? Я порядок знаю, хоть академиев ваших и не кончал! Вы проверьте, товарищ милицанер!

- Проверим, - кивнул Дорофей Петрович. – Маменко, быстро метнись в домоуправление...

- Так домоуправ еще здесь, товарищ капитан, - отозвался старшина. – У него быстрее спросим.

- Хорошо, поспрошай домоуправа: действительно ли дворницкую наемднн грабили?

- Есть! – Маменко развернулся и вышел из комнаты.

- Тебя как зовут, горемыка? – спросил дворника Дорофей Петрович.

- Федором Епанчиным кличут, товарищ начальник, - отозвался плешивый, поправляя сбившийся набок фартук. – И чего было хватать? Сам бы пошел, со всем нашим уважением к доблестным органам Рабоче-крестьянской милиции...

- Хорош языком молоть – подь сюды! – Поманил дворника рукой капитан. – Знаешь его? – Он указал пальцем на разделанную тушу замнаркома.

- Евпатий-Коловратий! – Схватился за жиденькую бородашку дворник. – Вот это елдень! Вот это я понимаю! Да был бы у меня такой струмент, я бы каждый божий день Фроську из чайной пялил, да сладкой наливочкой запивал...

- А ну замолкни, паскуда! – рявкнул Дорофей Петрович, запоздало набрасывая на закончившееся тело простыню. Незакрытым осталось только искаженное посмертной гримасой лицо завнаркома. – Мне плевать, кого ты пялишь каждый день! Узнаёшь, спрашиваю?

- Да кабы каждый день пялить, товарищ начальник, - так и не сумел соскочить с темы, произнес датый дворник, - а то ведь только по большим праздникам до себя допускает, стерва!

- Епанчин, едрит твое коромысло! – вновь одернул дворника Дорофей Петрович. – По делу давай!

- Не, ну вы видали, какой хер? - Все не мог успокоиться Федор. Но, встретившись взглядом с налившимися кровью глазами капитана, он поперхнулся, состряпал постную физиономию и произнес: - Знаю я этого субчика – видал неоднократно.

- Что, часто он в эту квартиру хаживал? – уточнил Дорофей Петрович. – И вообще, когда ты его первый раз здесь увидел?

- Ну... - задумался дворник, разлохматив грязными пальцами и без того неопрятную бородашку. – У прошлом годе я его первый раз и срисовал, стал быть, осенью...

- А точнее?

- Помню, товарищ милиционер: аккуратно наутро после Рождества Пресвятой Богородицы... Точно-точно! Я тогда перебрал чутка, жутким похмельем маялся. И как назло, перехватить не у кого – подлечить истерзанное зеленым змием здоровье. А этот, - дворник презрительно кивнул в сторону тупа, - чистенький, холёный, довольный такой, что мартовский кот после случки...

- Епанчин! Не нервируй меня! – прикрикнул на дворника капитан.

- Все-все, начальник! Понял! Из большой такой черной машины это хлебало вылезло: по всему видать – большой начальник, - продолжил дворник. - Думал, на шкалик у него стрелнуть, но он так на меня свои зенки вылупил...

- Хватит, - остановил дворника Дорофей Петрович. - Я понял. Как часто он появлялся?

- Ну, сначала - раз-два в месяц, - доложил дворник, - а как потеплело – так и вовсе зачастил день-через-день...

- К кому приезжал?

- Да жила тут фифа одна...

- Кто такая? – Продолжал крутить Епанчина капитан.

- Пелагея Хвостовская, - живо отозвался дворник, - проблядушка знатная! В мамашу пошла, та тоже в свое время со всякой шантрапой якшалась, даром, что голубых кровей! Папаша мой, царство ему небесное, через её козны сгинул! Я столько бумаги в околотеке извел...

- Гнида, ты, жандармская! – рявкнул Дорофей Петрович.

- Ох, и вправду, понесло меня, - испуганно «присел на полусогнутых» дворник – старые связи с полицией новая власть не жаловала.

- Если усёк – тогда не отвлекайся! – прикрикнул на притихшего Епанчина капитан.

- Только по делу, товарищ начальник! – клятвенно заверил Дорофея Петровича Федор. – Вот те истинный крест! – Дворник размашисто перекрестился. – А вот если дал бы ты мне на шкалик[2], господин-товарищ милиционер, так я бы все куда кристальнее вспомнил...

- А в морду не хочешь? – Капитан демонстративно покачал перед носом Федора пудовым кулаком.

- Мне бы подлечиться, господа хорошие! - Тряхнул себя за грудки дрожащими руками Федор. – Сгорю чичас синим огнем... Вот ей-ей - сгорю!

- Да налейте же ему, Дорофей Федорович! – снизошел к мольбам дворника старик-профессор. – Я в буфете на полке початый полуштоф[3] белой видел...

- Обойдется! – отрезал капитан. – Буду я еще пьянь всякую беленькой угощать...

- Послушайте совета бывалого человека, к тому же еще и врача! – посоветовал Лазарь Евстафьевич. – В таком состоянии вы от него ничего не добьетесь, батенька – у него мозги сейчас только в одном направлении работают – как бы поскорее опохмелиться. Там на глаз не больше мерзавчика[4] осталось – как раз для такой надобности.

- Ох, и добрый вы человек, Лазарь Евстафьевич! – покачал головой милиционер. – Я б таких деятелей в зародыше давил...

- Батюшка, кормилец, не дай пропасть загубленной душе! – чувствуя слабинку, заныл Епанчин.

- Какой я тебе батюшка? – усмехнулся в бородку Лазарь Евстафьевич. – Дорофей Петрович...

- А! – отмахнулся капитан, уступая просьбе доктора. – Пусть его!

После слов капитана дворник кинулся к буфету. Вылакав в один присест остатки водки, Епанчин смачно крикнул и поставил на место пустую тару. Приосанившись, он отер заскорузлыми пальцами жиденькие усы и произнес:

- Премного благодарствую! Спасли, вот ей-ей спасли от жуткой смертушки! Мой шурин без опохмела представился натуральным образом...

- Хорош трепаться! О деле давай! – Вернул дворника с небес на землю капитан.

- Со всем прилежанием! – После опохмела дворник слегка «поплыл». – Значица, этот фрукт к Хвостовской не один приезжал – тут их целая шайка-лейка собиралась.

- Чем занимались? – уточнил милиционер.

- Как чем? – Пожал плечами дворник и плюнул на грязный пол. - Вертеп, он и есть – вертеп.

- Кроме этого?

- Да, кабы знать? – развел руками дворник. – Хотя...

- Ну? – Дорофей Петрович не давал дворнику расслабиться.

- Было еще: как переебу...

- Епанчин! – опять рявкнул капитан, обрывая готовое сорваться ругательство.

- Так я и говорю, как, того самое, значит, так песни горлопанить начинают, - сбивчиво продолжил дворник. - Все бы ничего – вон в домкоме товарищи тоже часто собираются, да глотки без толку дерут...

- Ты хер с яичницей не путай! – возмутился Дорофей Петрович. – Пролетарские песни это тебе не фунт изюма!

- Да я что? – Развел руками дворник. – Я к домкомовским песнопениям с понятием! Там все ясно: «прощайте товарищи, заря коммунизма»... А эти ж, - Епанчин махнул рукой в сторону закрытого простыней мертвеца, - не по-русски завывают! Да так, что мурашки по шкуре величиной с курячия яйцо друг за дружкой бегут... Да еще вонища эта, как от помойки с протухшей требухой...

- Что еще за вонища? – поинтересовался капитан.

- Вьедливая такая вонища, - охотно пояснил дворник. – Мне сколь раз жилыцы жаловались: думали, можа, ворона какая в печной трубе издохла? Ан, нет, я и трубочиста Митрича пытал – чисто все! А вонь, нет-нет, да и проявится, и аккурат, когда контры эти кота за хвост тянуть начинают...

- Какого кота? – не понял Дорофей Петрович.

- Ну, ить песняка давить...

- Так и говори, гнида! – разозлился блюститель закона. – И в контры погоди записывать – все ж немаленький человек... - Дорофей Петрович запнулся, вспомнив о жутком «шупальце» замнаркома. – Ну, в общем, был немаленьким... - комкано добавил он.

- Да, еще вспомнил, - радостно заявил Епанчин, - свечи они жгли безмерно, да всё черные, как деготь!

- А ты откуда прознал? – прищурился капитан. – Или с ними горлопанил?

- Да упаси Господь! – Дворник в очередной раз размашисто перекрестился. – Я как-то водосток чинить полез – два пролета ветром сорвало... Вот туточки: рядом с энтим окошком. Лестницу поставил, да и в окошко-то заглянул...

- Врешь, небось, что чинить полез, - усмехнулся Дорофей Петрович. – Они же, сам говорил, свечи ночью жгли. А чтобы ты ночью полез водосток чинить, ну не в жизнь не поверю!

- Ну, бес попутал, товарищ начальник, - нехотя признался Епанчин. – Любопытно мне стало, чем это они тут занимаются... Вот я, стал быть, одним глазком...

- Ну?

- А у них весь пол всякими фигурами богомерзкими измалеван, и свечей аспидных про-рва...

- Какой пол? – спросил милиционер. – Этот?

- Знамо, этот, - кивнул дворник. – Вот аккурат на том самом месте, где большой ковер лежит, и намалевано было.

- Ну-ка, подь сюда, - произнес капитан, ухватив указанный ковер за один из углов, - пособи!

Вместе с дворником они ловко отвернули часть ковра в сторону.

- Во! – довольно воскликнул Епанчин. – Я же говорил!

Под ковром на старом паркете действительно обнаружились странные рисунки, изрядно залитые черным плавленным воском.

- И чего это? – Шумно почесал лысую голову капитан, сдвинув фуражку на лоб.

- А это, батенька, так называемая пентаграмма, - «просветил» присутствующих Лазарь Евстафьевич, с любопытством разглядывающий «творчество» народных умельцев.

- А зачем она нужна, эта самая пентаграма? – спросил профессора Дорофей Петрович, охватывая взглядом большой круг с вписанной в него пятиконечной звездой.

- Ну, некоторые личности считают, что при помощи определенных обрядов и заклинаний, использующих пентаграмму, можно призвать в наш мир потусторонние силы...

- Ага, понял – секта! – прямолинейно заявил милиционер. – Сатанисты?

- Свят-свят-свят! – мелко перекрестился дворник Епанчин. – Я же говорил: непотребства чинят!

- Возможно, что и сатанисты, - подтвердил предположение капитана Лазарь Евстафьевич.

– Вы как хотите, милейший Дорофей Петрович, а мне пора. Разрешите откланяться. И жду тело у себя.

- Привезем всенепременнейше, уважаемый Лазарь Евстафьевич! – заверил профессора капитан. – Ну, и вы о справочке не забудьте!

[1] Во времена Ежова в милиции и ГУГБ установились персональные звания и знаки различия, похожие на армейские, однако фактически соответствующие на два ранга выше воинского звания (так, в 1940 году звание капитана госбезопасности/милиции примерно соответствовало армейскому подполковнику или полковнику, майор госбезопасности/милиции — полковнику или комбригу, старший майор госбезопасности/милиции — комдиву, затем генерал-майору)

[2] Шкалик – $1/200$ ведра $\approx 61,5$ мл., устаревшая русская система меры жидких тел (винная мера).

[3] Полуштоф - 1 водочная (пивная) бутылка, $1/20$ ведра = 5 чаркам $\approx 0,615$; 0,60 л., устаревшая русская система меры жидких тел (винная мера).

[4] Мерзавчик - самая маленькая бутылка водки (вместимостью $1/8$ литра); количество спиртного, равное такому объёму.

Глава 4

СССР.
Москва.
1938 г.

Тяжелое свинцовое небо низко нависало над безлюдным погостом, проливаясь на неухоженные могилки потоками холодного косого дождя. В этой малопосещаемой части кладбища обычно предавали земле за государственный счет невестребованные из морга родственниками тела одиноких стариков, бродяг и прочего неопознанного маргинального сброда, «решившего» неожиданно склеить ласты.

Даже в сухой и солнечный денек на этом заросшем высокой сорной травой участке было мрачно и неуютно, а затопившие вмиг раскисшую землю потоки воды и вовсе превратили могильник в мутную разлившуюся речушку.

Здесь отсутствовали монументальные памятники и надгробия, поминальные столики и лавочки, как на других участках обширного кладбища, не было даже дешевых оградок и деревянных крестов. Только ржавые металлические штыри с прикрученными к ним проволокой табличками, где от руки были нацарапаны имена и даты смерти (если, конечно, они были известны), отмечали места забытых даже Богом упокоений.

Возле свежего могильного холмика, постепенно оплывающего под потоками воды, стояли двое мужчин. Первый – кряжистый седобородый дед, выдающегося телосложения и роста, тяжело опирающийся на резной деревянный посох, окованный по низу металлом. Даже сгорбившись, старик вызывал невольное уважение остатками своей былой силы и мощи, которые чувствовались даже на расстоянии.

Дед скрывался от дождя под защитой заношенного едва не до дыр широкого и длинного, до самых пят, брезентового плаща с глубоким капюшоном, закрывающим половину лица. Открытыми оставались лишь кончик носа с небольшой горбинкой и длинная седая борода, которую безнаказанно трепал расшалившийся не к добру ветер.

Спутник седобородого старца являлся его полной противоположностью: молодой, лет двадцати – двадцати пяти, невысокий, худощавый и огненно рыжеволосый. Но он, отнюдь, не выглядел полным задохликом, как могло бы показаться на первый взгляд. В его жилистой худобе чувствовался мощный нестигаемый стержень настоящего опытного бойца.

Поправив кепку-восьмиклинку, чудом державшуюся на самой макушке, паренек засунул руки в карманы широких штанов, заправленных в искусно сморщенные голенища начищенных сапог, и вопросительно уставился на своего пожилого спутника.

- Чего опять-то не так, Борода? – недовольно произнес рыжий, развязно цыкнув зубом.

Могучий дед невнятно кашлянул в бороду, недовольно собрав бескровные узкие губы в старческий жемок. В низких грозовых тучах утробно, но мощно заворчало, на мгновение озарив темный небосвод изломанной ветвистой молнией.

- Все не так! - глухо пророкотал старец, сверкнув на спутника из темноты капюшона светящимися глазами.

По яркой изумрудной радужке одного из его глаз время от времени пробегали сиреневые электрические разряды, а второй же отсвечивал бордовыми отблесками углей Преисподней, и из которого, казалось, на мир взираала сама Смерть.

- Не удивил, старый! - На жизнерадостную конопатую и розовощекую физиономию парня на мгновение набежала мимолетная тень. – Все не так уже целую тысячу лет! До сих пор не

можешь смириться, Власий? Ах, да, пардоньте! Как же я позабыл? Святой Власий! Не так ли? – И рыжий обидно рассмеялся, подмигнув бородачу.

- Я – Велес!!! – Разгневанно рывкнул старик, а темное небо вновь глухо заворчало и разразилось очередной яркой вспышкой, а дождь припустил еще сильнее. – Они так и не смогли за тысячелетия вытравить из людей веру в меня, - слегка успокоившись, произнес старик. - Им ничего не оставалось, как пойти на откровенную подмену и придумать этого, - Велес презрительно сморщился, - Власия, замкнув на него поток Веры моей паствы... И не жалко тебе последние крохи сил на всякую херню расходовать? – Неожиданно набросился он на парня. – А если в самый ответственный момент сил не достанет?

- Ась?! – Паренек делано приставил ладонь к уху, словно не расслышал слова древнего бога в шелесте дождя. – Ты о чем, Борода?

- Не придуривайся, Локи! - Старик коротко ткнул наверху посоха едва не в лоб своему конопатому спутнику. Несмотря на разразившуюся непогоду паренек оставался абсолютно сухим – на его одежду и огненно-рыжую шевелюру не упала за все время ни единая капля дождя.

- А, вот оно что... - Понял, о чем речь конопатый спутник Велеса. – Ты же знаешь, как я сырость не люблю, старый... Моя стихия – Огонь! Не даром во многих землях меня почитали его божеством...

- Сейчас от тебя только хитрожопый Локи и остался, Рарог-Сварог, - ворчливо произнес старик. – И теперь ты – лишь презренный бес[1], а не всемогущий бог! – Вернул ему сторицей издевку о Власие скотий бог.

- Все-равно, чего мокнуть-то зазя? – Не поддался на провокацию бородача Локи. - Ты бы тоже прикрылся от дождя, дед – заболеешь еще, как какой-нибудь жалкий смерт...

- Не учи! – тягуче пророкотал Велес, а небо вторило его словам громовыми раскатами. – Ты понимаешь, что это, может быть, наш последний шанс вернуть бывшее могущество и власть?

- И это дерьмо - наш последний шанс? – Паренек недовольно поморщился и сплюнул на размытую дождем свежую могильную землю.

- Похоже, что так, - подтвердил дед. – Он сказал, что наши прежние попытки изменить эту реальность к нашей обоюдной выгоде – провалились. Вернее, провалятся... Он где-то ошибся в своих расчетах... Но пока эта созданная альтернативная ветвь, прорастающая в будущее, зыбка и эфемерна – процессом еще можно управлять... Но едва новая реальность обретет стабильность – нам ничто и никто уже не сможет помочь!

- Он говорил то же самое и в предыдущий раз, когда мы угробили уйму сил, которые собирали по крупицам не одно столетие! И что имеем на данный момент? Ту же беспросветную жопу, в которой торчим уже вторую тысячу лет! И с чего ты взял, что на этот раз у нас точно получится?

- Да, у нас не все гладко, - кивнув, согласился Велес, - заданные параметры реальности, в которой мы займем подходящее нам место, разбегаются все дальше и дальше с каждым мгновением... Но их еще возможно достичь! – с напором произнес старик. – Необходимо некое недостающее звено...

- И ты думаешь, что этот ублюдок, - рыжий вновь презрительно сплюнул на могилу, - и есть это звено?

- Нет, - отрицательно мотнул головой старик, - он лишь послужит инструментом для его создания.

- И чем нам может помочь этот смертный? – Все еще не понимал задумки Кукловода Локи.

- Этот? – Указал на могилку Велес.

Рыжий кивнул.

- Этот нам ничем не поможет, - согласился со своим оппонентом старец. – Мы используем лишь его тело, а пристанищем для него послужит иная душа, которую *он* обещался вытащить из будущего одной вероятной реальности, максимально соответствующей нашим параметрам...

- А здесь, сука, именно нам придется воскрешать эту тухлятину и всовывать в нее эту гребаную душонку? – В сердцах выругался рыжий. – На это точно уйдут остатки всех наших сил!

- Любишь медок, люби и холодок! - Ядовито усмехнулся старик.

- Мы постоянно делаем за *него* всю грязную работу, старый! – Продолжал бушевать Локи.

- Хватит болтать – пора за работу! – Велес распахнул поношенный плащ и достал откуда-то изнутри какой-то небольшой предмет, завернутый в вощеную бумагу. – Держи сердце недомона, рыжий! – Старик сорвал бумагу и с неприятным чмокающим звуком вложил кусок свежевырезанной плоти, сочащийся желтоватой сукровицей, в руку поделника.

- Какая гадость! – Сморщился от омерзения парень, воткнув фиолетовое сердце в изголовье могилы.

- Не страшнее твоей женушки, Локи! – Усмехнулся старик, не упустив шанса поддеть бывшего бога.

- Какая, сука, едкая дрянь! - Судорожно отирая ладонь о штаны, сквозь зубы прошипел рыжий. – Сразу кожу начала разъедать! Не мог «Третий глаз» у этих сектантов отобрать?

- «Око Анубиса» не про нашу честь, рыжий...

- Давай уже – начинай! – недовольно буркнул Локи.

Старик поднял свободную руку, и в небе над кладбищем разверзся самый настоящий ад. Неведомая сила свернула в чудовищную воронку аспидно-черные грозовые тучи, сквозь которую в сердце, лежащее поверх свежей могилы начали бить мощные концентрированные разряды молний.

Сырая земля задымилась и мгновенно покрылась твердой запекшейся коркой, которая по взмаху руки рыжеволосого паренька вспыхнула жарким огнем, который с ревом устремился ввысь, закручиваясь спиралью вокруг лупящих в землю молний. Слившиеся в единое целое стихии ослепительно вспыхнули, а в небе громыхнуло так, что затряслась земля. Затем гром стих, молнии и огонь перестали терзать ни в чем неповинную землю, лишь частые струи дождя, шелестя, шлепали по облетающим с деревьев листьям.

- Я пуст, твою мать! – злобно выругался вмиг промокший до нитки рыжий паренек. – Знаешь, сколько времени я потратил, чтобы собрать даже эти ничтожные крохи?

- Дело сделано! – величаво пророкотал Велес, наплевав на нытьё своего рыжеволосого спутника. - Не время жалеть об утраченном...

Старик замолчал и отодвинулся от покрывшейся коркой могильной насыпи, которая на глазах покрывалась сеточкой трещин. Затем спекшаяся земля вспучилась и осыпалась в стороны большими кусками, а на поверхности появилась измазанная сырой землей бледная человеческая рука с проступающими сквозь восковую кожу темными дорожками вен. Следом за рукой показалась стриженная под ноль макушка – воскрешенный божественной силой мертвец потихоньку вытягивал себя из свежей могилы. Когда наружу появилось сведенная зверским оскалом физиономия, вымазанная грязью, покойник выплюнул изо рта набившуюся в него землю и просипел, словно напрочь простуженным горлом:

- Имел я вас...

Однако, кого он имел ввиду, так и осталось недосказанным. Но, судя по интонации, он мысленно успел поймать всех здесь присутствующих.

- И вот это – *его* незаменимый инструмент? – брезгливо скривившись, произнес Локи.

Достав из кармана горсть семечек, он принялся их щелкать, сплевывая шелуху на выполняющего из могилы покойника. – Это же просто какой-то навозный жук!

- Ты бы поостерегся так наглеть, рыжий ушлепок! – У освободившего вторую руку покойника дела пошли несколько веселее.

Дернувшись еще несколько раз, мертвец освободил ноги из земли и, пошатываясь, принял вертикальное положение. Окинув тусклым взглядом блеклых глаз, подернутых мутной пеленой смерти, стоявшие напротив него фигуры, он вопросительно просипел:

- Вы кто, нахрен, такие, уроды?

- Мы? – Велес усмехнулся в промокшую бороду, сбившуюся неопрятными сосульками и утратившую свою белизну. – Как же: два гребанных ушлепка. Один – старый дед, выживший из ума, а второй – наглый рыжий сопляк, слишком много о себе возомнивший. Ты же об этом сейчас подумал, смерт?

- Даже так? – Вылезший из могилы покойник удивленно покачал головой, опустив пока еще неясный для него термин «смерт». – Угадал, старый! Да ты, выходит, тоже гребанный экстрасенс? – Мертвяк то ли весело улыбнулся, то ли злобно оскалился. По заляпанному свежей и мокрой землей лицу этого было не понять.

- Ну, типа того... - произнес баском Велес, после чего загадочно хихикнул в кулак.

- А-а-а, вот оно что! Как же я сразу не догадался? – Оглядевшись по сторонам произнес мертвец. – Могилки, кладбище... Два черта в дурацких прикидах...

- Не два черта, смерт, - произнес старик. - Черти - это шелупонь-мелюзга в адских чертогах, а целых два беса...

- Да мне похер, чуваки, как вы там обзываетесь! – перебил мертвяк Велеса. – Можете считать себя хоть демонами, колдунами или инопланетянами! Чё за шоу снимаете, ребята? – Он вновь ощерился, показав присутствующим вымазанные землей черные зубы. – Если гоно-рар устроит, я с удовольствием присоединюсь к вашей вакханалии. Где мне продюсера найти?

- Слушай, Борода, а он меня отчего-то раздражает свои словоблудием... - Локи прицельно сплюнул шелуху прямо покойнику в лицо.

- Ты чего творишь, сопляк? – возмущенно воскликнул тот. – Совсем охренел, щенок?

- Ой! - вновь плюнув в мертвеца подсолнечной шелухой, лениво процедил рыжий.

- Да я тебя ща урою, козел! – Мертвец попытался накинуться на рыжеволосого парня, но не смог сделать ни шагу в его сторону – он словно прирос босыми ногами к рыхлой могильной земле.

- Не понимаю, почему все время везет на таких вот придурков? - Локи сплюнул очередную семенную оболочку, попав откопавшемуся покойнику прямо в глаз. – Кончай напрягаться, дядя! – развязно посоветовал он мертвецу, не прекращающему свои попытки оторвать ноги от земли и уже не обращающему внимания на застрявший в его глазу сор. – А то прямая кишка от усилий выпадет! Даже несмотря на тот факт, что мы с Бородой тебя воскресили – засовывать её обратно в жопу будешь самостоятельно...

Мертвец после этих слов неподвижно замер, словно прибитый пыльным мешком:

- Я что, умер?

- Ты до сих пор не понял этого? – хохотнул паренек, надвинув поглубже свою кепку и зябко передернув плечами. – Ненавижу, сука, дождь! Оглядишься вокруг, дебил! Осознай, из какой задницы ты сегодня выполз! Прочти эпитафию на своем могильном камне! Проникнись, мля, торжественностью и мрачностью этого момента...

Покойник резко взглянул под ноги, где находилась дыра в земле, из которой он только что выбрался. Потом развернулся и впился глазами в табличку, прикрученную проволокой к ржавому штырю. Лицо мертвеца вытянулось, когда он понял, что на табличке, корявым почерком было нацарапано имя и две даты – рождения и, по всей видимости, смерти.

- Но это не мое имя! – с облегченным вздохом произнес он. – И могила не моя – тут написано, что клиент помер в тридцать восьмом! А я родился в семьдесят третьем!

- Это точно наш клиент! – Велес понимающе переглянулся с Локи.

- И вообще, что я тут делаю? – Неожиданно озадачился покойник. – Почему на мне это грязное рубище? Почему я стою в грязи босиком? И почему я об этом ничего не помню?

- Ну, наконец-то ты начал задавать правильные вопросы! Не прошло и полгода! - Уже в полный голос рассмеялся рыжеволосый. – Значит, твои протухшие мозги начинают нормально функционировать!

Но мертвец его уже не слушал, он сбросил с себя грязную рубаху и остался с голым торсом. Его тело было небрежно вскрыто и заштопано наспех грубой суровой нитью – через грудь, пробегая по животу и исчезая в штанах, тянулся уродливый и ужасающий шрам. А в районе сердца чернело, забитое свежей землей, пулевое отверстие.

- Кто... кто это сделал со мной? – воскликнул покойник, пробежавшись пальцами по сизым обескровленным краям разреза.

- Конкретно это? – Рыжий, продолжая веселиться, указал на рану. – Штатный патолого-анатом из городского морга... Соглашусь с твоим праведным негодованием – ведь некрасиво заштопал... Вон, Борода тоже в шоке!

- Я не об этом! – Мертвец, наконец, оторвался от созерцания своих чудовищных ран и вновь набросил на плечи грязную тряпку, заменяющую саван. – Кто меня убил? И почему я до сих пор... функционирую? Я ведь мертв...

- Ну, да, пациент скорее мертв, чем жив, - кивнул паренек, вновь забрасывая в рот горсть семечек.

- Но, если принять во внимание его функциональные возможности, - неожиданно прокотал молчавший до этого старец, - то пациент скорее жив, чем мертв!

- Ну, нет, - «возразил» своему оппоненту рыжий, - пациент, сука, на данный момент является наглядным доказательством парадокса Шредингера – он и жив, и мертв одновременно! Жизнь и смерть одновременно смешаны или размазаны в нем в одинаковых пропорциях, что выглядит абсурдно с точки зрения здравого смысла. Не так ли, коллега?

- А в чем-то, может, вы и правы, коллега, - не дрогнув ни единым мускулом на морщинистом лице, подыграл своему рыжему подельнику Велес. – Но не водился бы ты, приятель, с этим своим Шредингером! Он тебя плохому научит... Если уже не научил.

- Заткнитесь! – Схватившись руками за голову, закричал мертвец. – Заткнитесь оба! Это все какой-то розыгрыш! Бред! Я просто сошел с ума!

- И эта истеричка наш инструмент? – Фыркнул Локи, с презрением оглядев стенающего покойника. – Похоже, что мы с тобой зря слили в сортир столько энергии, старый...

- Послушай меня, дружище, - Велес положил свою могучую руку на плечо восставшего мертвяка, - ты не сошел с ума. Просто... просто так для тебя сложились определенные обстоятельства. Вместо того, чтобы отправиться к Колесу Сансары на перерождение, твоя душа понадобилась *ему*...

- Кому «ему»? – перестав подвывать, спросил мертвец.

- Мы с коллегой предпочитаем не называть *его* по имени, - ответил Локи.

- Почему? – Покойник уставился своими мутными зенками на рыжеволосого. – Он что, Неназываемый, типа гребанного Волан-де-Морта из Гарри Поттера.

- Ты сказал Воланд? – удивленно протянул Локи. – Да, это одно из имен нашего горячо уважаемого «благодетеля».

- А «морт» у бриттов означает смерть, - добавил старик. – Ты сделал правильные выводы, смерть. Может быть, на этот раз *он* не ошибется? Тебе представилась уникальная возможность, смертный! - Наконец подошел к самому главному старик, из-за чего, собственно и была затеяна вся эта возня с воскрешением. – Ты можешь начать свою жизнь с чистого листа.

- Что ты сказал? – Не догнал с первой попытки мертвец.

- Мы готовы предоставить тебе возможность пожить еще немного! – терпеливо повторил старец, слегка повысив голос.

- Оглох, что ль, после смерти? – резко «наехал» на покойника наглый «парнишка» Локи.
– Так встряхни землю из ушей – мы подождем!

- Вы это реально? Или это все-таки какой-то розыгрыш, да? – С надеждой на последнее утверждение посмотрел на них мертвец.

- Делать нам больше нехрен, чем всяких дохлых говнюков разыгрывать! – Презрительно фыркнул рыжий.

- Так ты согласен? – пророкотал старикан, пригладив встопорщенную мокрую бороду.

- А что, сука, у меня есть выбор? – Неожиданно окрысился дохляк.

- Выбор всегда есть, – неопределенно пожал плечами старик. – Либо вернуться обратно в могилу – тогда нам будет очень жаль потраченных понапрасну ресурсов, либо сыграть с нами на одной стороне...

- Хотя мне и не уперлись ваши сраные игры... – Мертвец, наконец-то, собрал разбегающиеся мысли в кучу – возвращаться в могилу он не хотел. – Что я буду с этого иметь?

- Другой разговор! – обрадовано воскликнул рыжий. Он хотел панибратски похлопать мертвеца по плечу, но бросив взгляд на комки грязи, расплывающиеся под потоками дождя, передумал.

- Ты уже кое-что с этого имеешь, – продолжил старик. – Ты больше не мертв...

- Я б так ни сказал... – Покойник усмехнулся уголками рта. – По мне – так настоящий мертвяк...

- Нет, – качнул головой старец, – мертвяком тебе осталось ходить лишь несколько мгновений...

- Гордись оказанным тебе доверием, дядя! – Локи неожиданно нагнулся, поднимая с земли дымящийся кусок какой-то обугленной плоти. – Оно дошло до кондиции, старый! – Довольно заявил он. – Такой опыт и за столетия не пропешь!

Подскочив к мертвецу, он одним движением располосовал шов на его груди, отросшими на пальцах когтями. После этого бывший бог всех плутов и мошенников воткнул в раскрытую грудину обугленное сердце недодемона, которое мгновенно пустило там «корни».

Покойник истошно заорал, как будто его живьем бросили в костер, и попытался выцарапать из груди инородный предмет. Но не тут-то было! Чудовищный уродливый разрез, нанесенный в морге патологоанатомом, мгновенно «спаялся», оставив на бледной груди неопрятные и пугающие лохмотья кожи.

Распахнутые глаза мертвеца неожиданно сверкнули кровавым переливом, который мгновенно рассеял мутную пелену смерти, заполонив и радужку с белком. Мертвец закричал еще сильнее, раскинув в стороны руки и задрав взгляд к серому холодному небу. А за его спиной, прорвав с треском кожу между лопаток, развернулись огромные черные крылья...

[1]В христианской традиции к бесам причислены языческие божества, то есть слово было синонимом слова *демон*. «Повесть временных лет» начала XII века сообщает, что Перуна свергли с горы «для поругания беса, который обманывал людей в этом образе». С бесом отождествляется Велес в житии Авраамия Ростовского XV века.

Глава 5

СССР
Москва
1938 г.

В отделении Дорофей Петрович первым делом вызвал к себе лейтенанта Петракова – настырного и пронырливого опера, самого толкового в отделе сыскаря.

Лейтенант, приоткрыв дверь в кабинет капитана, поинтересовался:

- Вызывали, Дорофей Петрович?

- Да, Сергей, проходи.

- Есть проходить! – задорно тряхнув рыжеватым, слегка кучерявившимся чубом, произнес лейтенант, просачиваясь в кабинет начальника.

Усевшись на стул, Сергей вопросительно взглянул на капитана.

- Вот что, Сереж, - произнес Дорофей Петрович, - нужно собрать информацию на одну гражданку – Пелагею Хвостовскую, проживающую по Дровяному переулку восемь... Будет здорово, если сумеешь накопать информацию и на её мамашу. Есть подозрение, что на её квартире собиралась секта, действующая не один год. Пошуруй в старых архивах... Я понимаю, что почти ничего не осталось, - жестом остановил невысказанные лейтенантом возражения капитан, - но ты уж постарайся! Я знаю, ты можешь. Допроси дворника Епанчина – он говорил, что мать Хвостовской была «на карандаше» еще у царской полиции за те же прегрешения... В общем, действуй. Сыскать бы нам эту Пелагею, да потряхнуть хорошенько!

- Я постараюсь, Дорофей Петрович, - кивнул Сергей. – Есть у меня на примете старичок один старорежимный... Жандармским архивом в свое время ведал... Занимательный старикашка, повезло – не пришибли в семнадцатом, и после выкрутился – по старости не тронули... Деду девятый десяток, а память... Мы с его помощью картотеку бандитскую восстанавливали. Помните?

- А, ты о Полобухине Викентии Поликарповиче, что ль? – вспомнил капитан. – Живой еще, курилка?

- Живой, - подтвердил лейтенант, - и помирать, по-моему, пока не собирается.

- Вот-вот, поспрошай, - одобрил Дорофей Петрович. - Мало ли, чего там старый контрик вспомнит... А не вспомнит, применим к нему другие методы... - многозначительно намекнул капитан.

Престарелый архивариус жандармского управления Полобухин Викентий Поликарпович незаметно доживал остаток своих дней в цокольном этаже разваливающегося от ветхости барака, стоящего в самом конце бывшего Собачьего тупика, ныне носящего громкое название «тупика рабочих баррикад». Добраться до тупика Петракову удалось только к вечеру, когда садящееся багровое солнце, разрисовало улицу длинными причудливыми тенями. Едва ступив с дощатого тротуара в подворотню Собачьего тупика, лейтенант вляпался в свежий, еще дымящийся, конский каштан, который не заметил в сгущающихся сумерках.

- Твою же водокачку! – выругался опер, разглядывая уханьканные штиблеты. – Угрозило же! – Он судорожно принялся шаркать ногой по пыльной земле, стараясь очистить подошву от «ароматной мины».

Стерев с башмака основную массу фекалий, Сергей зашагал к барaku, время от времени подволакивая ногу. Старика Полобухина опер обнаружил мирно сидящим возле барака на прогнившей скособоченной лавочке, облаченного несмотря на теплую погоду в потертую меховую кацавейку.

- Привет, дед! – Сергей присел рядом со стариком на лавку.
- Викентий Поликарпович подслеповато прищурился, но милиционера не узнал.
- С кем имею честь? – дребезжащим голосом поинтересовался бывший архивариус, вглядываясь бесцветными от старости глазами в «незнакомца».
- Ты чего, Викентий Поликарпович, не узнал? – изумился Петраков. – Сергей я, Петраков.
- Сережа, - наконец признал «незнакомца» Полобухин. – Прости, совсем слепой стал, как крот. – Старик растянул в улыбке тонкие бескровные губы, затем запустил руку под кацавейку и выудил откуда-то издававшее виды песне с мутными желтоватыми стеклами и в погнутой оправе. Нацепив песне на нос, Полобухин вновь взглянул на Сергея. - Ну вот, совсем другое дело! Как здоровье Дорофей Петровича? – полюбопытствовал он.
- Помаленьку, - неопределенно пожал плечами лейтенант.
- Понимаю: дела-с, заботы, служба-с... И что же вас привело ко мне, молодой человек. Зачем доблестной милиции опять понадобился старый бюрократ-архивариус?
- Понадобился, - не стал скрывать Сергей. – Викентий Поликарпыч, напрягись еще разок – дело очень важное...
- Ну-с, ну-с, Сереженька, - заинтересованно протянул старик, - заинтриговали! У нас, стариков, жизнь скучная – чем могу-с...
- Дед, постарайся вспомнить: фамилия Хвостовская тебе о чем-нибудь говорит?
- Как ты сказал, Хвостовская? – переспросил Полобухин.
- Хвостовская, дед, Хвостовская, - повторил Сергей, от которого не укрылось, что старик сразу вспомнил фамилию, а переспросил просто ради проформы. – Неужели и вправду что-то помнишь?
- А как не помнить? – произнес Викентий Поликарпович. – На память до сих пор не жалуюсь – а дело-то ну очень странное было, непонятное... Я даже номер того дела помню – 1836-ть. Я еще тогда, когда первый раз его читал, подумал: всплывет оно когда-нибудь, вот те крест, обязательно всплывет!
- Тогда давай, дед, выкладывай! – Сергей довольно поерзал на скамейке, приготовившись слушать рассказ старика.
- Как сейчас помню: случилось это в девяносто шестом, за три дня до Покрова, - постарчески пожевав губами, начал Викентий Поликарпович. Суровая зима в тот год выдалась – снег недели за полторы до Покрова лег... Я тогда только писарем в архиве служил, а форменная шинелька – не толще бумажного листа, - погрузился в воспоминания почти полувековой давности Полобухин.
- Викентий Поликарпович, давай по существу! - Сергей попытался «направить» старика в нужном направлении.
- А я о чем? Все по существу, только по существу! – слегка обиженно заявил бывший архивариус. – Мне так вспоминать легче, драгоценный вы мой. Так что, сударь, если хотите, чтобы я вспомнил все подробности, попрошу мне не мешать!
- Ладно, дед, не дуйся – не буду больше перебивать, - пообещал лейтенант.
- То-то же: все вы, молодежь поперед себя бежать пытаетесь, - брюзгливо, но беззлобно проворчал Викентий Поликарпович. - Так вот, - продолжил он свой рассказ, - по бедности своей я в свободное от основной службы время подрабывал в жандармерии за офицеров-оперов за определенную мзду рапорта, да отчеты царпать... Ничего зазорного в этом не было - ну скажите на милость, какое у писарчука жалование? Так, пшик один. А почерк у меня, прошу заметить, каллиграфический... Да и вы, Сереженька, признайтесь, не очень-то любите с бумажками возиться?
- А то! - понимающе хмыкнул Петраков. – Жуть, как нервирует.
- Ну, вот, видите, - победно блеснув линзами песне, покачал головой старик.

- Слушай, Викентий Поликарпович, а почему дело это в жандармерию попало? – вдруг спросил опер. – Ведь ничего политического: одна блажь буржуйская, да дурь...

- Ну, время тогда такое было, - хихикнув, прошепелявил старичок. – Все тайные сборища и кружки, перво-наперво, по жандармской, то бишь по политической части шли, а уж после проверки по другим ведомствам отписывались... Но редко. Ить, кто в основном тогда по углам разным собирался? Вольнодумцы, да карбонарии, вразуми их Господь...

- Че-то ты, дед, заговариваться начал, - фыркнул Петраков, - карбонариев, каких-то выдумал... Что за зверь такой?

- Эх вы-и-и, - недовольно поджал губы старик, - таких делов в Рассее-матушке натворили, а как неучами были, так ими и остались! Я «братьёв» ваших – революционеров-товарищей ввиду имел...

- Погоди, дед, вот построим коммунизм, тогда и выучимся! – Отмахнулся от едкого замечания Сергей. – Дальше давай!

- Жаль, не доживу, - ехидно произнес бывший архивариус, прищулив один глаз, - интересно было бы поглядеть: как у вас там всё устроится? В коммунизме-то, вашем? Не думаю, что сильно лучше, чем при царе...

- Дед, ты о таком лучше промолчи! – Вновь остановил словоохотливого старика Петраков. – Особый отдел не посмотрит, что ты на ладан дыших, мигом на Соловки законопатит, поблище к твоему Богу! По делу давай!

- А все, значаца, так происходило: в тот мерзкий холодный день от дворника... э-э-э... – Старик закатил глаза, задумавшись на мгновение. – Как же его звали? Звали... звали... – тихо бубнил он себе под нос, причмокивая губами. – Епахин? Епанхин? Епанчин! Во! – наконец победно воскликнул он. – Да, точно Епанчин!

- Ну, Викентий Поликарпыч, и память у тебя! – Звонко хлопнул себя ладонями по ляжкам милиционер. Фамилия дворника фигурировала и в новом деле.

- Что есть, то есть! – Старик довольно пригладил сухой ладошкой реденькие седые волосы на голове и продолжил:

- От дворника Фрола Епанчина поступил сигнал, что в доме покойного купца первой гильдии Акакия Хвостовского, что на Дровяном переулке восемь...

- Постой-постой, разве дворника на Дровяном восемь не Федором звали?

- Нет, Федор Епанчин – сын Фрола, тогда батюшка его дворничал... - пояснил старик.

- А-а-а, ясно.

- Так вот, Епанчин сообщил, что в дом покойного купца, перешедшего в наследство к его дочери Апраксии, по ночам таскаются всякие подозрительные личности. Чем они там занимаются, он, дескать, не ведает, но ничем хорошим уж точно.

- Погоди-ка, погоди-ка! Ты хочешь сказать, что весь этот дом раньше принадлежал одной только Хвостовской?

- Конечно, их покойный батюшка такими капиталами в свое время ворочал – ого-го-го! При нем Дровяной переулок мог с Тверской запросто посоперничать: дорогу отборным булыжником вымостил; везде фонари газовые поставил; околоточному ежемесячно приплачивал, чтобы за порядком следил; дворников вышколил... А как помер – мостовая развалилась, фонари сначала зажигать перестали, а потом и вовсе растащили на металл... А, - он махнул рукой, - не стало хозяина – и порядок закончился... Захирел переулок, превратился в простую подворотню, каковых по Москве пруд пруди! Людишки лихие пошаливать начали: грабили, раздевали, а случалось, и убивали прохожих. Вообще, после смерти Акакия странные дела в переулке происходить начали: люди частенько пропадали, особенно дети малолетние... Но то на цыган грешили, что неподалеку табором стояли. В общем, нехороший переулок. Но все это не по-нашему – а уже по криминальному ведомству шло.

- Дед, а Хвостовская, дочка Акакия, что за фифа была?

- Апраксия-то? – переспросил Викентий Поликарпович. – Ну-у-у... - задумался старик, - эффектная была мадама, но со странностями: днем почти никогда из дома не выходила... А если и появлялась на улице, то обязательно под зонтиком, да в темных очках, что глаз не видеть... Да... - Старик вновь пошамкал губами. – По малолетству её батенька за границу вывез – в Лондон. В пансионат какой-то для благородных девиц, все хотел ей образование хорошее дать... Чтoб не хуже, чем у родовитых дворян...

- И как, получилось? – спросил Сергей.

- Про то не знаю, но училась она несколько лет. Наши-то опера, когда за ниточки разные дергать стали, выявляя связи, оказалось, что в Англии наша Апраксия в обществе одном тайном состояла – «Теософском».

- Секта какая-то, что ль?

- Ну, можно и так сказать. - Согласно кивнул старик. – Руководила тем обществом некая мадама Блаватская – широко известная в мире шарлатанка и мракобеска: практиковала спиритизм, магнетизм и оккультизм.

- Чего делала? – не понял Петраков, так и не сумевший «переварить» свалившуюся на него массу новых слов – не позволяло рабоче-крестьянское образование. То есть, никакое.

- Если по-простому, по-вашему: рядилась под колдунью, гадалку, с потусторонними существами общалась...

- А, понятно, такого добра и у нас завались, - расплылся в улыбке Сергей, ухвативший объяснения старика, - вот, хоть те же цыгане.

- Понимаете, Сереженька, тут уровень другой...

- А суть-то одна: мозги запудрить, да нажиться! Ладно, что дальше-то было?

- А вот дальше-то и начинается самая странная, непонятная и запутанная часть истории, - произнес Полобухин. – Решили, значит, опера, накрыть эту сходку: «сети» раскинули, дождались очередного сборища, ну, и в самом разгаре ихнего действия вломились в дом Хвостовской...

- И? Каков результат?

- А таков: в дом Хвостовской вошло полдюжины жандармов и дворник Епанчин... А вот обратно никто не вышел!

- Это как так? – Не понял лейтенант. – Куда они подевались-то?

- А Бог его знает? – Пожал плечами старик. - Сгинули, словно и не было их. На улице осталось служебные пролетки с извозчиками, да еще пяток жандармов, контролировавших, чтобы из окон, да черных ходов никто не сбежал. Вот они-то и забили тревогу, когда через пару часов из дома никто не вышел. Сами они заходить побоялись, подкрепление попросили. Пока суетились, наступило утро. Особняк оцепили, вошли в дом...

- Ну, и что там, в доме? – нетерпеливо перебил Викентия Поликарповича Сергей. – Море трупов? Море крови?

- Ни-че-го! – раздельно, по слогам произнес бывший архивариус. – И никого: ни Хвостовской, ни её гостей, ни прислуги...

- Быть того не может! – категорично заявил милиционер. – Куда бы они подевались, если из дома никто не выходил?

- Наше начальство тоже так подумало: перевернули весь дом – и ничего! И, вообще, что характерно, у проверяющих возникло ощущение, что в особняке долгое время никто не жил: жуткая вонь, все заросло паутиной, на полу и мебели – толстый слой пыли, на которой не было никаких следов присутствия людей.

- Вот тебе бабушка и Юрьев день! А как же жандармы и дворник: они тоже не наследили?

- Выходит, что так, - согласился Полобухин. – Загадка, однако... Недельки через две на Семеновском кладбище в невменяемом состоянии был обнаружен один из пропавших жандармов – Алексей Клыков. Его обнаружил в старом склепе какого-то генерала, героя войны 12-го

года, кладбищенский сторож во время обхода. Клыков бы замерз, и его никогда не нашли, но он так громко выл...

- Ну, хоть он-то рассказал, куда все подевались и как он оказался на кладбище?

- Нет, добиться от него ничего не удалось – он только выл, словно подстреленный зверь, да повторял одну лишь фразу: «они идут».

- Кто они?

- Не знаю. - Старик в очередной раз пожал костлявыми плечами. – В протоколе зафиксировано, что Клыков был сильно избит – тело чуть не сплошной синяк. Китель обуглен, волосы, брови и усы подпалены, лицо обожжено.

- Пытали его, что ли?

- Очень может быть, Сереженька, - легко согласился Полобухин. – Клыкова подлечили, но разговорить его так и не смогли: даже через месяц он твердил как заведенный «они идут» и все. В общем, направили его лечить душевное расстройство «на дачу к купцу Канатчикову»...

- Значит, так ничего и не добились, - сожалением произнес Петраков. – Жаль, очень жаль! Должно же быть какое-то объяснение всей этой истории... А единственный свидетель, как назло, - Сергей покрутил пальцем у виска, - свихнулся.

- Где-то через полгода была предпринята еще одна попытка допросить Клыкова. Но пациент приюта для душевнобольных нес такую ересь про каких-то чудовищ, демонов и тварей, что лечащий его доктор написал в заключении – маниакальный бред, вызванный сильным потрясением.

- Да какие еще потусторонние силы? – воскликнул лейтенант. – Нет никаких сил: ни бога, ни дьявола!

- А, вы, милсдарь, в потусторонние силы, значит, не верите?

- Фигня это все – опиум для народа! – порывисто заявил Сергей.

- Не иначе атеист?

- Убежденный! – добавил милиционер.

- Ну-ну, ну-ну... Я бы не был столь скоропалительным в своих выводах.

- А что Хвостовская? Тоже с концами?

- Нет, она объявилась годика через два после этого случая, заявив, что все это время пребывала в Лондоне...

- Пойдите, а как же...

- Все бумаги у нее были в порядке, были свидетели, которые подтвердили, что в тот злополучный день её в Москве, да и в России не было, и быть не могло!

- Фокусница, однако!

- Ну вот, Сереженька, и вся моя история... Ну что, я смог вам помочь? – полюбопытствовал Полобухин.

- Если честно сказать, Викентий Поликарпович, еще больше запутали, - ответил Петраков.

- А у вас-то что приключилось?

- Извини, дед, но это пока секретная информация, - непререкаемо заявил лейтенант.

- Понимаю, - грустно вздохнул Викентий Поликарпович. - Но, логически раскинув мозгами, могу сделать вывод: что-то странное опять произошло в том же доме, на Дровяном восемь. Я прав?

- Эх, Викентий Поликарпович, лучше ты был бы неправ! – воскликнул милиционер. – Что случилось, сказать не имею права, но дом тот же. И подозреваемая – дочка Хвостовской, и дворник – Епанчин, сын того, пропавшего.

- Хотелось бы мне узнать, чем у вас это дело закончится. Но, сдаётся мне, результат будет тем же. То есть - никаким!

Пока длился разговор милиционера с бывшим жандармским архивариусом, на улице стемнело.

- Обещать не могу, но, если секретность снимут – обязательно поделюсь. Ладно, дед, пора мне, - Петраков поднялся с лавочки, и протянул старику руку. – За помощь спасибо!

- Обращайся, пока я не помер, - пожал протянутую руку старик. – Недолго уж мне осталось...

Глава 6

С поднятым воротником и с надвинутым на самый нос широким козырьком кепки-восьмиклинки, презентованной Лазареву наглым рыжим пройдохой, называющим себя богом Локи, Руслан с наслаждением гулял по оживленным московским улицам прошлого столетия. Его «система маскировки» пока неплохо справлялась со своей задачей, и успешно скрывала от простых обывателей бледно-синюшный цвет нового лица, которое местами и вовсе приобрело серовато-землистый оттенок.

Но жителям огромного мегаполиса (даже в эти допотопные годы, столица оказалась все так же набита невероятным количеством народа), вечно-спешащим по своим неотложным и весьма важным делам, было абсолютно поспать на очередного приклатненного полубандитского фраерка, каким Руслан им, наверное, казался со стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.